

ПРОЛОГ

За десять минут до того, как меня похитили, я вышла из примерочной к Катюхе и покружилась, чтобы нежные, легкие ткани свадебного платья показали себя во всей красе.

— Как тебе? — замирая от волнения, спросила я.

— Ленка! Господи... красота-то какая! Ты просто как... как богиня! Афродита! Мишка если не умрет от восторга, когда тебя в нем увидит, то потащит жениться еще быстрее!

— Куда уж быстрее-то, — засмеялась я. — Он же меня только в загсе увидит.

Катя обошла меня кругом, не спуская с меня восхищенных глаз. Продавщицы говорили подругу не приводить, а приходить с мамой или сестрой. Но мамы у меня нет, а вот Катя — почти что сестра. Мы с ней обе детдомовские — такое не забывается, — пусть я и попала в него только в пятнадцать из другого мира, а Катя сразу после рождения. Теперь же мы обе успешные, красивые девушки, теперь весь мир у наших ног.

Я создала школу изящных манер и этикета, которая быстро превратилась в академию, где женщинам преподают все, от психологии до искусства изящной походки.

А Катя открыла салон красоты, и я часто посылаю к ней своих учениц. Ведь иногда для того, чтобы в жизни произошли изменения, достаточно просто поменять прическу, как говорит Катя.

За три года мы стали теми, кем видели себя в мечтах. Бизнес-леди, которые твердо стоят на ногах, знают, какие цели перед собой ставить и как их добиваться.

А полгода назад я познакомилась с Михаилом. Наш роман развивался стремительно, но очень нежно. Миша внезапно пошел на все, чтобы завоевать меня. Даже мое упорство сохранить невинность до свадьбы — единственное последствие воспитания, от которого я не хотела отказываться в этом мире, — его не испугало. И он очень быстро сделал мне предложение.

Пока я рассматривала себя и Катю в зеркале, задумавшись о своем, Катюха подошла и по привычке положила подбородок мне на плечо.

— Лен, ты счастлива?

— Очень, — честно ответила я, глядя на нас в зеркало.

Мы с ней разные: я блондинка, она брюнетка, у меня синие глаза, у нее карие, у меня белая фарфоровая кожа, а Катя всегда выглядит загорелой. Но было у нас и общее: мои три года в детдоме, наш карьерный взлет, наша гордость друг за друга.

А еще я гордилась собой: я сама выбрала мужа, выхожу замуж по любви, добровольно, и весь процесс сборов мне интересен. Потому что решаю я.

— Ты будешь самой красивой невестой! — Катя улыбнулась мне в зеркало и обвила мою талию руками. — Самой-самой!

Я с восторгом смотрела на нас в зеркало. Да! Счастье переполняло меня, как переполнен бывает бокал, если туда плеснуть слишком много шампанского. Радостное предвкушение будущего шипящими пузырьками бурлило в крови.

— Ну, как? — спросила портниха, все это время стоявшая в стороне.

— Сидит идеально!

Я еще раз покружилась. Уже хотелось попасть на свою свадьбу, не терпелось назвать Мишу мужем, ощутить невероятное счастье вступления в новое состояние.

– Тогда мы его отпарим, и все будет готово через неделю.

– Отлично!

Я прошла в примерочную, больше похожую на комнату, а Катя осталась ждать снаружи. Я знала, что ей хочется полистать каталоги с платьями, потому что она мечтала о свадьбе уже давно, хотя хорошего парня пока не нашла.

Никуда не торопясь, я остановилась перед огромным зеркалом в пол и еще раз посмотрела на себя.

Невеста. Красивая, счастливая, полная надежд. Влюбленная. Любимая.

Я улыбалась, глаза светились от радости.

Нехотя завела руки за спину, чтобы раскрыть молнию, но в этот момент мое отражение в зеркале пошло кругами, а потом его серебристая поверхность исчезла, открыв проход прямо передо мной. Оттуда в примерочную шагнули двое мужчин в черном, с суровыми лицами.

– Леди Эллен? – спросил один из них.

Ледяной ужас окатил меня с головы до ног.

Я вышла из ступора и бросилась вон из примерочной, но они не дали мне сделать даже шаг. Мгновенно опутав тело магическими оковами, которые неприятно охладили кожу, они потащили меня к зеркалу.

Я только начала осознавать весь ужас происходящего: меня нашли! После стольких лет! Нашли!

Я брыкалась, мычала, но понимала, что никто не услышит шума: они поставили звуковую завесу.

Я боролась за свою свободу как могла.

Но в этот раз я проиграла. Они втащили меня в зеркало, проход тут же закрылся, и я ощутила, как все тело покалывает мелкими иглами, а внутренности словно выворачивает наружу: переход между мирами был неприятной процедурой.

И так же, как и в первый раз, когда я бежала в обратном направлении, я потеряла сознание.

Очнулась я довольно быстро, меня еще тащили куда-то по коридорам, поднимали по лестницам и переходам. Во рту по-прежнему был кляп.

НИНА ЛИНДТ

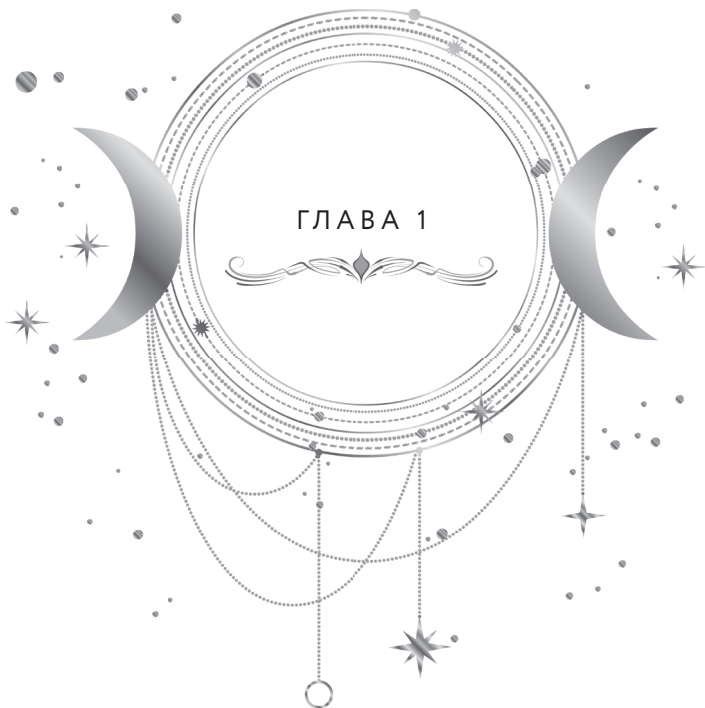

Когда меня грубо бросили к чьим-то ногам, я чуть приподняла голову и увидела перед собой сапоги из дорогой кожи с железными наконечниками на мысах. Дрожь пронеслась по телу холодной волной: я вспомнила, где видела подобные в последний раз.

— Ну, здравствуй, дочка, — прозвучал надо мной знакомый насмешливый голос.

И вот тогда я поняла, что моей счастливой жизни пришел конец.

ГЛАВА 1

Меня зовут леди Эллен Олбрайт Вендер. Я из очень древнего рода Альбиона. Наш остров, по сути, маленькое королевство, которым управляет мой отец вместе с другими четырьмя семьями, и находится к северу от большого континента. Этот континент, в свою очередь, поделен между другими королевствами, герцогствами, республиками и прочими государствами. Наш мир зовется Альтеррой.

Мой род владел магией воды до определенного поколения, после чего мощь дара пошла на убыль по неизвестной причине. Власть политическую семья удержала, потому что иногда у девочек в нашем роду дар открывался, пусть и не столь сильный. Моя старшая сестра Изольда стала первым магом за последние три поколения, у кого этот дар проявился очень сильно: она могла вызывать дожди, превращать воду в пар, замораживать ее. И к ней посватался король Франкии Карл Третий. Союз оказался выгодным для обоих государств, поэтому было подписано соглашение о браке и назначена дата бракосочетания.

Меня с детства прочили в жены сыну второго по влиятельности семейства Дику ван Ховену. Ван Ховены владели маги-

ей ветров. Дик с детства неплохо управлялся с воздушной стихией, задирая девушкам юбки ветром. Мы были друзьями, хорошо ладили, проводили время вместе — больше у нас не было одногодков, остальные семьи обзавелись детьми либо намного раньше, либо гораздо позже. Благодаря Дику, я умела лазать по деревьям, дразнить собак и делать мелкие пакости. Справедливости ради стоит отметить, что меня наказывали чаще, чем его, — таковы уж порядки, девочке следовало быть благонравной, а не пытаться залезать в пасть сторожевым псам. Дику прощалось все. Да и родители его были куда более любящими, чем мои. Чем Дик и пользовался.

Незадолго до его пятнадцатилетия, когда мы ели ворованные на кухне его семейства пирожки, сидя на стене, разделявшей наши дома и сады, Дик рассказал мне, что отец привел ему девушку на ночь.

— Зачем? — спросила я. — Ты боишься спать один?

Он фыркнул.

— Ты что, Эллен, не знаешь, как дети появляются?

Я задумалась. Меня этот вопрос как-то мало интересовал. Я полагала, что в какой-то момент живот у женщины начинает раздуваться, потому что в нем появляется ребенок.

Дик поржал над моими умозаключениями и рассказал такое, отчего я выбросила пирожок в сад из-за подступившей к горлу тошноты. А потом в красках описал, как провел ночь с опытной проституткой, которая его и посвятила во все эти тонкости.

— Не понимаю, чего ты так реагируешь, — сказал он, небрежно пожав плечами. — Это же лучше для нас.

— В каком смысле? — спросила я.

— В том, что мы однажды займемся тем же самым, — подмигнул он мне.

И тут я поняла, что он смотрит на меня теперь как на возможную следующую девушку. Стыд и гнев опалили мне щеки, и я вскочила, зло одернув юбки.

— Дурак ты! — прошипела я и спрыгнула в свой сад.

Я резко оборвала наши с ним встречи. Иногда я скучала по нему, но вспоминала его довольное лицо и начинала злиться снова. Сейчас думаю, ревновала ли я? Или просто описанное им было так мне чуждо и потому показалось отвратительным? Или отвратительно это было из-за того, что я поняла:

мы с Диком больше не на равных? Что он теперь мужчина, а мужчины могут унижить и обидеть, прямо как мой отец. А потом стало не до Дика: приближалась свадьба Изольды с королем Франкии.

Поговаривали, что король стар. Изольду это совсем не радовало. Но в нашей семье женщины не выбирали себе судьбу, так что оставалось только готовиться к свадьбе. За неделю до того, как король Франкии должен был высадиться в порту Альбиона, Изольда простудилась, слегла с жаром и сильным кашлем, а в день, когда жених ступил на берег Альбиона, скончалась. Карл прибыл как раз вовремя, чтобы присутствовать на погребении невесты. Изольду похоронили в свадебном платье. В тот день я впервые видела, как отец был расстроен. Все-таки он любил ее. А может, просто был разочарован тем, что семья потеряла сильного мага и хороший альянс с Франкией. Мать была безутешна... Может, тоже по причине утраты магии, а не дочери?

Карл действительно оказался ровесником отца. Седой, высокий, худощавый, с суровым лицом. Отец уговаривал его остаться на несколько дней, но Карл уехал сразу после похорон Изольды.

Мое горе по сестре было огромно. У меня как будто резко ушла из-под ног твердая опора. Ведь на всем белом свете у меня было три близких человека: Изольда, няня и Дик. На следующий день после погребения мы вместе с няней отнесли венок из белых цветов к саркофагу сестры. Мою голову и лицо покрывала черная густая фата. Таков был обычай — скрывать лицо всем девушкам семьи после смерти незамужней сестры. Таким образом подчеркивалась глубина их страданий: они отказывались видеть солнце и лица людей в течение месяца. Няня вела меня за руку, потому что сквозь плотную вуаль я практически не различала дороги.

Няня была с нами с момента нашего появления на свет, всегда поддерживала и любила. К ней можно было прижаться, обнять, получить в ответ тепло и нежность. Мама нами не занималась, в воспитание не вмешивалась. Няне сильно доставалось за мое упрямство, и это была еще одна причина, по которой я старалась вести себя смиренно хоть иногда.

Изольда часто приходила ко мне ночью посекретничать, рассказывала мне всякие легенды и небылицы, которые так

любила придумывать. В том числе будто наша няня — ведьма. Но я в это не верила. Она просто увлекалась травами и снадобьями, рассказывала нам о свойствах растений, пока мы гуляли по саду. Няня была из благородной, но разорившейся семьи, одевалась сдержанно, но красиво. Она была тонкой, худощавой, с приятным мягким лицом и добрыми карими глазами. Я всегда думала, что она похожа на лань, а мы — на ее оленят. Она нас так и звала. Няня и была моей настоящей матерью — доброй, всепрощающей, любящей.

Когда мы спустились в склеп, я положила венки на сложенные руки статуи на надгробии сестры и тихо запела колыбельную нашей няни, которую мы так любили слушать в детстве. Смерть сестры глубоко потрясла меня, казалось, что мир разрушился и теперь все будет как-то неправильно идти без нее. Изольда была веселой и доброй. Я потеряла не только сестру, но и милого друга. Няня тоже плакала и крепко обнимала меня. Мы наконец-то смогли выразить нашу истинную скорбь и боль от потери Изольды, которые не могли показать на похоронах. Вдвоем. Вдали от равнодушного и холодного мира.

Мне казалось, нет беды страшнее этой. А мои беды только начинались.

Сестра умерла, но отец не хотел терять альянса с Франкией, и меня предложили вместо Изольды с надеждой, что сила откроется и у меня по достижении восемнадцати лет. Официальной помолвки с Диком у нас не было, чем и воспользовался мой отец. Отец Дика, похоже, был согласен: по какой-то причине Альбиону был выгоден союз с Франкией.

Мне было пятнадцать. Всего лишь пятнадцать. И я была ребенком, которого, словно вещь, хотели перепродать получше. Конечно, мне это объясняли тем, что я несу ответственность за жизнь своих подданных, за судьбу страны, за честь семьи, и должна выполнить обещание, данное сестрой, потому что была с ней одной крови. Долг. И при этом моя судьба, моя жизнь, моя свобода не значили для родителей ничего.

Девушек обычно выдавали замуж с семнадцати лет, но отец уговорил советников найти какое-то исключение: в случае гибели невесты ее младшая сестра обязана была выполнить обещание, данное при помолвке.

Я была должна всем вокруг. Мое сопротивление, которое я проявила поначалу, отец сломил, велел высечь меня розгами. Били меня не жалея: отец наблюдал, чтобы палач добросовестно исполнил наказание. Я кричала, плакала, а потом просто считала удары. После лекари быстро залечили мою кожу, чтобы до свадьбы от ударов не осталось и следа. Но память о боли и унижении осталась. Больше я не смела поднимать голос и выступать открыто. Но я не оставила надежды избежать брака.

Няня была единственным человеком, который поддерживал меня, подбадривала, позволяла рыдать себе в подол. Я прибегала к ней в комнатку, чтобы поделиться отчаянием, переполнявшим душу. Под темной вуалью, без света и про света надежды, я, казалось, выплакала все слезы, что были уготованы мне на всю жизнь.

— Мне страшно, няня. Этот король совсем старый, а я... — всхлипывая, жаловалась я.

— Возможно, твой будущий муж решит подождать, пока ты не будешь полностью готова. — Но в голосе няни было столько сомнения, что я поняла: вряд ли.

— Зачем ты пытаешься обмануть меня, няня?

— Я пытаюсь приободрить тебя.

Ее ладонь легла мне на голову, успокаивая.

— Думаешь, он будет добр ко мне? — посмотрела я на нее, откинув вуаль.

Няня слабо улыбнулась и вытерла мне мокрые от слез щеки.

— Я буду молить богов об этом.

Няня страдала не меньше меня: потеряв одну воспитанницу, боль другой она воспринимала острее. Я понимала, что без ее поддержки сломаюсь на чужбине.

И попросила отца только об одном: чтобы няня отправилась со мной к мужу. Но отец уже ушел в глухое сопротивление, желая наказать меня любым способом.

— Нет, она останется здесь. А с тобой поедет леди Сандра.

— Я прошу только об этом!

Я готова была ползать перед ним на коленях, вымаливая эту милость. Кто такая леди Сандра, я понятия не имела. Но отец лишь довольно улыбнулся.

— Я здесь не для того, чтобы исполнять твои капризы.

Ему доставляло удовольствие унижать меня. С самого моего рождения я чувствовала его неприязнь: мы были слишком похожи. Оба упрямые и волевые, мы как будто постоянно мерялись силой воли. Я проигрывала, потому что реальной властью обладал отец. Наказания были всегда очень сильными и жестокими. На какое-то время я пряталась за равнодушием и показным смирением, но моя воля рано или поздно прорывалась наружу и вела к новому столкновению. К пятнадцати годам, когда стало понятно, что у меня нет ни одного признака магии, отец стал унижать и оскорблять меня постоянно. Он гордился моей сестрой, постоянно нас сравнивал, уничтожая мою самооценку. Я чувствовала себя ненужной, отверженной, бестолковой, но это лишь порождало во мне новые волны сопротивления. Я, как море, то откатывалась назад в чувство ничтожности, то с новым приливом силы и жажды проявить свой характер нахлестывала на отца.

Иногда мне казалось, будто он специально провоцирует меня на очередную ссору, чтобы снова высечь, унижить словом в присутствии придворных или наказать какой-нибудь работой, не подходящей для леди.

Например, он мог отправить меня в коровник в праздничный день в красивом, нарядном платье, которое мне очень нравилось. И заставить выгребать коровий навоз вместо того, чтобы веселиться на празднике. А потом привести меня в зал и показать присутствующим, чтобы все смеялись. Мама никогда не заступалась за меня. Она не смела перечить отцу, возможно, потому что он и ее бил. А еще она была совершенно бесправной: посветив себя целиком и полностью отцу, она терпела его многочисленных любовниц и то, что он при любой возможности издевался над младшей дочерью. Я так и не поняла толком, любила ли она нас с Изольдой.

Весть о том, что няню не отпустят со мной, подкосила меня очень сильно. Я перестала есть, сильно исхудала, отец угрожал кормить меня силой, если я не возьмусь за ум. Но мне просто не хотелось жить.

Я не понимала, как вырваться от него, как сбежать от старого и неизвестного жениха, как освободиться от оков этого мира.